

Он притушил окурок сигареты о землю и аккуратно положил его обратно в пачку, чтобы докурить позже. Смотря на прохожих, он с сожалением вздохнул:

— Я думал, в провинциальном городе картины будут лучше продаваться. Но оказалось, что эти чёртовы холсты никому не нужны!

Он снова вздохнул:

— Без образования никуда. Если бы я закончил школу и университет, мог бы стать учителем. Посмотри на тех, кто преподаёт в местной школе, — живут в достатке. А мне приходится терпеть эту нужду.

— Какое ещё образование? Ты же уже учишься! — Сяо Чжао швырнул комикс «Неряшливый король» на колени Хань Чжоу и, заметив, что к его ларьку подошли покупатели, поспешил вернуться. — Сейчас учителя бросают работу и уходят в бизнес. Те, кто остались, завидуют нашей свободе. А ты мечтаешь о школе — только дурак захочет туда вернуться!

— Пусть завидуют, а я хочу быть учителем, — Хань Чжоу зевнул и продолжил читать комикс с того места, где остановился.

Осень сменилась зимой, но картины Хань Чжоу продавались плохо. Лишь благодаря выплате от художественной лавки семья не умерла с голоду. Позже он начал продавать резинки, диски и другие мелочи вместе с картинами, и дела пошли в гору. Год выдался удачным, и жизнь Хань Чжоу с братом в городе С постепенно налаживалась.

Но удача недолговечна. В 1997 году началась волна увольнений. Рабочие, оставшиеся без зарплаты, искали новые пути заработка. Блошинный рынок, где Хань Чжоу торговал, заполнился продавцами, но покупателей стало меньше. Его бизнес в одночасье рухнул.

— Братан, возьми эту куртку, — Сяо Чжао протянул Хань Чжоу серый японский пиджак в пластиковом пакете.

Сегодня он в последний раз торговал здесь — весной он уезжал на юг в поисках лучшей доли.

Хань Чжоу взял пиджак, заглянул в пакет и кивнул:

— Спасибо.

— Не за что! — Сяо Чжао посмотрел на картины под стеклянной панелью и хлопнул Хань Чжоу по спине. — Твои работы тут не продаются. Я же говорил, иди в антикварный рынок около Академии искусств. Если не получится... бросай это дело!

Хань Чжоу усмехнулся, взял сигарету в зубы и вытащил из-под стекла небольшой рисунок. Свернув его в рулон и обернув газетой, он протянул Сяо Чжао:

— У меня ничего ценного нет, так что возьми это. Когда состаришься, пусть будет семейной реликвией.

— Чёрт! — Сяо Чжао усмехнулся, зажал рулон под мышкой и, помахав на прощание, уехал с тележкой, полной старья. — Увидимся, братан!

— Увидимся, братец Обезьяна, — Хань Чжоу смотрел, как его фигура растворяется в снежной пелене, и почувствовал, как ветер режет глаза.

Через неделю на рынке появился незнакомец в желтоватой куртке-пуховике. Его глаза были ясными, но лицо казалось старше его лет — ему могло быть как двадцать семь, так и тридцать пять. Он быстро ходил между ларьками, словно что-то искал, и наконец остановился перед Хань Чжоу.

— Молодой человек, сколько стоит ваша картина? — спросил он, глядя сверху вниз.

Хань Чжоу, сидя на низкой скамейке, обнял колени и поднял голову:

— Это зависит от того, какую именно вы хотите.

— А если все? — Человек улыбнулся, присел на корточки и протянул руку. — Меня зовут Сюй Гуанмао. У меня самая большая художественная лавка на улице Хэчэн. Если будет время, приглашаю вас зайти, пообедаем.

Хань Чжоу посмотрел на него, затем медленно протянул руку для рукопожатия:

— Подождите, я соберу вещи.

Он отнёс свои товары в соседний магазин музыкальных инструментов. Хозяин, человек с плохой памятью, только через месяц начал узнавать его в лицо. Попрощавшись с ним, Хань Чжоу отправился с Сюй Гуанмао.

Тот сел за руль чёрной «Сантаны 2000», похожей на спичечный коробок. Хань Чжоу, сидя на пассажирском сиденье, оглядывал салон. Сюй Гуанмао бросил ему апельсин:

— Нравится?

— Да, нравится, — Хань Чжоу начал чистить апельсин, не скрывая своего восхищения.

— Нравится — купи себе, — Сюй Гуанмао выехал с рынка. — Лет через два ты сможешь купить не только это, но и «Мерседес».

— Хм! — Хань Чжоу почувствовал, что этот человек слишком самоуверен, но почему-то испытывал к нему странное доверие. — Откуда вы узнали, что я продаю картины здесь?

— Я не знал, просто гулял и увидел, — Сюй Гуанмао бросил ему пачку сигарет «Чжунхуа».

— Бросьте, — Хань Чжоу закурил, вспомнив, как тот искал кого-то на рынке. — Если вы не хотите быть честным, лучше отвезите меня обратно.

Сюй Гуанмао рассмеялся, подняв глаза:

— Ну ты и хитрый!

Сюй Гуанмао изначально был занят другим делом, но по пути наткнулся на дорожное заграждение. Пришлось свернуть на другую дорогу. Во время движения с грузовика, перевозившего мебель, вылетел рисунок и прилип к лобовому стеклу его машины.

Сюй Гуанмао уже несколько лет занимался искусством и обладал острым глазом. Он сразу понял, что картина необычная. Обогнав грузовик, он расспросил водителя о происхождении рисунка.

Водителем оказался Сяо Чжао, а рисунок был тем самым, что Хань Чжоу подарил ему. Сяо

Чжао не понимал, зачем Сюй Гуанмао это нужно, и сначала не хотел разговаривать, так как спешил уехать из города. Но, услышав, что тот готов заплатить десять тысяч юаней за картину, сразу указал дорогу на блошинный рынок.

Так Сяо Чжао, ещё не успев покинуть город, стал обладателем крупной суммы.

Выслушав рассказ Сюй Гуанмао, Хань Чжоу улыбался, а доктор Сун чувствовал себя беспокойно.

По логике, у пациентов с диссоциативным расстройством личности во время гипноза основная личность должна удалять ложные воспоминания. Значит, Хань Чжоу сейчас рассказывает правду.

Но как это возможно?

Хань Чжоу упомянул две даты рождения: 1976 и 1989 годы. Как человек может родиться дважды? Очевидно, одно из воспоминаний ложно, а может, оба.

Кроме того, доктор Сун не понимал, как эти две истории связаны. Судя по предыдущим словам Хань Чжоу, между ними должна быть какая-то связь, но после прослушивания стало ясно, что это совершенно независимые истории, причём довольно банальные.

Доктор Сун почувствовал тяжесть в груди и написал на планшете:

[Гипноз, похоже, не удался. Хань Чжоу продолжает рассказывать выдуманные истории.]

Цзинь Шуань посмотрел на экран и написал:

[В первой истории Хань Чжоу не упоминал год своего рождения. 1989 год он назвал в бодрствующем состоянии, я вам сообщил.]

Доктор Сун не понимал, что это меняет. Даже если Хань Чжоу не солгал под гипнозом и родился в 1976 году, это всё равно странно. Хань Чжоу выглядит на двадцать пять, максимум на тридцать. Сказать, что ему за сорок, было бы слишком, даже для знаменитостей с идеальной кожей.

Или...

Доктор Сун вдруг широко раскрыл глаза. Мысль, которая только что зародилась в его голове, заставила сердце биться чаще. Он хотел написать, но планшет уже был в руках Цзинь Шуаня.

Цзинь Шуань:

[Можно я задам ему вопрос?]

Доктор Сун колебался, хотел высказать свою догадку, но решил подождать:

[Спросите.]

Цзинь Шуань бросил сигарету, которую зажал от волнения во время рассказа. Табак рассыпался на полу.

— Хань Чжоу, — сказал он, — какая связь между этими двумя историями?

— Связь... — Хань Чжоу закрыл глаза, блуждая в своих воспоминаниях. Он увидел, как туман стал красным, а затем начал обжигать.

— Я не помню связи, — услышал Цзинь Шуань, — но, возможно, кто-то другой знает.

— Кто? — Цзинь Шуань затаил дыхание.

— Сяо Юй, — ответил Хань Чжоу. — Она любит смотреть на происходящее и всё запоминает. Много, чего я не знаю, она может рассказать.

— Сяо Юй? — Цзинь Шуань напряжённо думал и вспомнил, что Хань Чжоу действительно упоминал её. Кажется, она была соседкой и иногда поливала цветы его матери. Но из-за вспыльчивого характера часто заливала растения. Цзинь Шуань почувствовал мурашки по коже и осторожно спросил:

— Кто такая Сяо Юй?

<http://bllate.org/book/15564/1415650>